

Мальчик медленно открыл глаза, услышав приближающийся шум. Это место было его домом, единственным известным ему местом. На данный момент ему неясно даже ночь сейчас или день. Мальчик попытался уйти от приближающихся звуков, но обнаружил, что это слишком утомительно. Не то чтобы он был удивлен; пока он оставался в этой комнате, движение всегда было для него пугающей задачей.

Дверь в его комнату открылась, и вошли два охранника в защитных костюмах. Мальчику удалось изобразить самый устрашающий взгляд, на который он был способен в своем нынешнем состоянии. Двое сотрудников не обратили никакого внимания на это; они освободили мальчика от цепей, только чтобы надеть пару наручников. Затем они вывели его из маленькой комнаты.

Мальчик был слегка ослеплен внезапно усилившимся светом, ударившим ему в глаза. Здесь, на свету, люди могли видеть, что это был мальчик лет пятнадцати, приличного роста, со спутанными черными волосами, большими пожелтевшими глазами и бледной кожей. Его телосложение изменилось, он стал очень худым, он был в потрепанной полосатой униформой заключенного, едва держащейся на его теле, но это не было сюрпризом, учитывая, где он находится. Если бы не ужасные условия, через которые он прошел, можно было бы сказать, что он был немного симпатичным.

Пока стражники вели его по коридору, в мальчике росло чувство страха; он был слишком хорошо знаком с этой процедурой. Всякий раз, когда он не был заперт в своей камере, люди отводили его в другое место, которое предвещало боль и пытки. Мальчик проходит через этот ад по крайней мере раз в неделю, и сегодня это будет снова. Открылась еще одна дверь, и страх мальчика подтвердился, когда его взгляд упал на кожаное кресло, о котором он теперь знал больше, чем его собственные родители. Он слабо вырывался из рук охранников, но, как обычно, безрезультатно.

Затем стражники силой усадили мальчика в кресло, связав его тело множеством ремней. Затем они расстегнули наручники и связали ему руки. Глаза мальчика заблестели от страха, когда к стражникам присоединилась третья фигура. Этот человек был одет в белый халат с надписью "GAS" на обеих сторонах. Его лицо было покрыто макияжем, а еще у него были два рога на макушке головы, торчащие над его колючими волосами. Когда он двигался, из его тела, казалось, струились струйки дыма. Лицо мужчины было украшено широкой улыбкой, которая обещала только боль и страдания. В руке у него был шприц, который заставил мальчика дрожать от страха, когда он увидел его; это было то, что использовалось на нем снова и снова. Затем мужчина воткнул шприц в руку мальчика и ввел ему какой-то гель. Как только он это сделал, тело мальчика сжалось и содрогнулось, подвергаясь самой невообразимой боли, которую он когда-либо испытывал.

Мальчик бился и кричал в кресле, а человек в белом халате смотрел на него с садистским восторгом. Ведь этот человек не был обычным человеком, он - один из главных ученых в этом учреждении. Его зовут Цезарь Клаун, и его нынешний испытуемый помогал ему понять свойства H₂S. Цезарь начал записывать заметки, когда увидел, что кожа мальчика начала разрываться, но тут же его тело заживало, и процесс повторялся в бесконечной агонии.

- Сю-ро-ро-ро-ро-ро-ро-ро-ро, ты действительно замечательный! - садист-ученый захихикал, - регенеративные свойства Годжи-Годжи но Ми (*пока не знаю чё это за фрукт) фантастичны, как никогда! Способность регенерировать все повреждения, вызванные H₂S, делает тебя очень ценным для моих экспериментов. Я надеюсь, что ты горд этой возможностью, заключенный 1954! - да, Цезарь проводил эти тесты уже довольно давно, чего он обычно не мог делать ни с одним другим заключенным на Панк Хазарде. - Инъекция H₂S в кровоток обычно убивает

человека в течение нескольких секунд, но благодаря этому дьявольскому фрукту ты можешь исцелить нанесенный ущерб так же быстро!

Цезарь продолжал записывать свои наблюдения, не обращая внимания на отчаянные крики мальчика. Когда он съел Годжи-Годжи но Ми, один из редких плодов Кайдзи класса Зоан, это наделило ребенка феноменальной целебной силой, и Цезарь планировал использовать каждый аспект для своих исследований.

После долгих мучительных минут крики мальчика, наконец, стихли, и он разразился рыданиями. Цезарь закончил писать и наблюдал за ним с торжествующей ухмылкой.

- Похоже, сегодня мы закончили, отведите испытуемого обратно в его покои, через несколько дней мы продолжим эти испытания.

Когда мальчика подняли с пола, заключенный 1954 почувствовал, что его зрение начало ухудшаться. Много раз он хотел бы просто покончить с собой, так чтобы ему больше не пришлось пережить эту пытку. Но этому не суждено было случиться, каждое испытание, которое они делали с ним, когда он уже ожидал, что вот-вот умрет от мучительной боли, было тут же прервано. Это было его проклятие, его способность исцелять себя от любых внешних и внутренних повреждений. Когда зрение мальчика потемнело, он проклял безумного ученого, этот фрукт и свою судьбу; это он уже делал слишком много раз в эти дни.

Заклученный 1954 проснулся от криков снаружи своей камеры, и страх снова начал закрадываться в его сердце. Должно быть, это Цезарь решил использовать его для очередного садистского эксперимента. Как бы ему ни хотелось отомстить, он никогда не сможет этого сделать, он был здесь пленником, и у него не было никакой возможности. Мальчик закрыл глаза, не желая видеть того, что его ожидало.

Дверь так и не открылась.

Заклученный 1954 подождал еще несколько секунд, пока дверь откроется, но она все еще оставалась закрытой. Он приоткрыл веко и взглянул на нее. Дверь по-прежнему не открывалась.

К этому времени он уже с трудом различал нарастающий шум спора двух мужчин.

«Я всегда узнаю голос этого ублюдка...» - с горечью подумал он. Другой человек, однако, был ему незнаком, он никак не мог его определить.

Два голоса продолжали усиливаться, судя по тому, что он слышал, заключенный 1954 обнаружил явное возмущение с обеих сторон. Голос Цезаря звучал довольно уныло, в то время как другой, казалось, был пронизан отвращением и ужасом. Потом один голос, Цезарь, что-то громко сказал и затих.

«Что все это значит?» - мальчик задумался, но потом решил, что это его не касается. В любом случае, у него ничего не изменится. Он медленно погрузился в сон, не подозревая, что в этот момент его жизнь вот-вот совершит очередной поворот на своем долгом пути.

1954 внезапно пробудился ото сна, когда дверь в его камеру открылась и вошли 3 человека. Прежде чем он успел издать потрясенный крик, на его тело надели мешок. Он почувствовал, как его цепи разорвались, и вот три фигуры подняли его и вынесли, не обращая внимания на его тщетную борьбу. Вскоре он почувствовал, как мешок сняли с его головы, а потом он упал на какую-то деревянную платформу. Страх затуманил его глаза, когда он огляделся и увидел

группу мужчин в белой униформе и старика в белом лабораторном халате, смотрящего на него сверху вниз. Впервые в жизни он заметил звезды на небе... была уже ночь. Мальчик отпрянул от мужчин, чувствуя, что его сердце вот-вот выскочит из груди.

- Он напуган, доктор, он травмирован. Учитывая, где его держали, и не известно, как долго... - сказал один из морских дозорных старику.

- Цезарь... этот ублюдок... - выругался старик сквозь стиснутые зубы. Затем он посмотрел на мальчика с довольно доброй улыбкой. - Не бойся, дитя, тебе больше не причинят вреда.

- Пожалуйста... не подходите ко мне... не давайте мне больше никаких химикатов! - мальчик всхлипнул.

- Здесь нет никаких химикатов, даю тебе слово, - прошептал добрый ученый. Про себя он проклинал своего коллегу Цезаря Клауна за то, что тот скрывал эти факты от остальной части общества. В отличие от своего коллеги-психопата, доктор Вегапанк был человеком, который подчинялся морали науки в своих экспериментах. Его изобретения должны были быть использованы на благо людей во всем мире. Хотя он и уважал гениальность своего коллеги, он ни за что не станет потворствовать такому поведению, да еще с маленьким ребенком! Доктор Вегапанк и так изрядно прикрывал своего «газового» коллегу, но именно здесь он подводит черту. И вот сегодня вечером он решил взять дело в свои руки.

- Не волнуйся, дитя, эти морские дозорные доставят тебя на свою базу, а потом устроят так, чтобы ты нашел свой дом. Он огляделся и увидел, что многие солдаты смотрят на него с сожающими улыбками, и постепенно понял ситуацию. - Я все еще не могу поверить, что Цезарь пошел на такое, чтобы сделать что-то подобное, даже если ты съел Годжи-Годжи но Ми...

- Постоянная жуткая боль... - прошептал 1954, вспоминая все мучения, которые он испытал от рук садиста-ученого.

- Я в этом не сомневаюсь, но оставь все это позади! Отныне твоя жизнь начнется заново! - добрый доктор успокаивал его. - У тебя есть имя, дитя мое? Хотел бы я знать, кого я сегодня спас!